

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Экран и сцена. - 1991. - 28 февр. (№ 9). - с. 4.

Сюжет короткометражного фильма, сделанного в московском «Дебюте», во многом повторяет ход реальных событий, имевших место при сдаче «Астенического синдрома». Черных сохранил некоторые подлинные имена своих соотечественников по прошлой ленте, в частности второго режиссера Надежды Поповой, снявшей в роли той самой белокурой женщины, которая в финале употребляет вполне «цензурные выражения». Снял режиссер и саму Киру Муратову.

И все-таки реальная история «Астенического синдрома» здесь всего лишь повод, благодаря которому дебютант сумел предложить нам свой взгляд на окружающий его мир. Взгляд этот во многом совпадает с позицией ровесников Александра Черных, нынешних тридцатилетних режиссеров и драматургов, вторгающихся в кинематограф без излишней робости — отрицая, высмеивая

«пайино» (или даже «дедушкино» в их представлении) кино. Они дерзят, насмешничают, восстают, нередко оставаясь в своих упреках и отрицаниях холодно-беспечальными и бесстрастными. Быть может, такая принципиальная бесстрастность и есть характерная черта наших неофитов, как бы решительно выдергивающих себя из общего прошлого, чтобы иметь право на ироническую эсхатологию?

За тем, что без усталости талдычат запретители, видится печальный исторический шлейф. Имею в виду даже не бесконечные гонения, исключения, постановления и все тому подобное, хорошо знакомое каждому гражданину страны почти построенного социализма. Речь о том, что в последние годы застоя мы жили в подобиях неких невероятных реалий. Нам предлагались факты, не имеющие под собой почвы, цифры выдуман-

Поначалу может показаться, что молодой драматург Александр Черных, один из авторов сценария «Астенический синдром», дебютируя в режиссуре, решил с улыбкой поведать миру о тех злключениях, которые довелось пережить создателям известного фильма, долго не получавшего права выхода на экран.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «АСТЕНИЧЕСКОМУ СИНДРОМУ»?

О фильме

ных, абсолютно вымышленных достижений, рассказы о победах, не имеющие ничего общего с тем, что происходило на самом деле. Все было лишено подлинной значимости и смысла.

Повторы текстовые и визуальные — один из основных приемов молодого режиссера. Они как бы окончательно обесценивают слова и поступки, подчеркивая их мнимость и пустоту.

Режиссер Кирилл Славин снимает в своем игровом фильме очереди, демонстрации, плакаты, разъяренные лица — все эти грустные меты сегодняшнего дня, горькие знаки драматического исхода. Но одно то, что все это становится отретированной инсценировкой, вносит определенный оттенок недоверия к массе, бьющейся в наигранных пароксизмах гласности. Уже ушел пафос первых лет перестройки, и хоть публичные выступления, протесты еще, разумеется, будоражат, в общественном сознании нарастает социальная усталость. И она ощутима в актерстве массовки, занятой в фильме Славина. Гротесково-расколотый мир трудно принять

всерьез, да он, кажется, и сам на это не претендует.

В финале картины звучат строки пушкинского «Пророка». Что привело режиссера к такому заключению? Тоска о человеке, у которого навсегда вырвано сердце, вырван его язык? И пророчества больше не могут быть услышаны миром? Или волнует молодого автора иная перспектива — как суметь в это жестокое, страшное время все-таки заечь «глаголом сердца людей»?

Будем честны — в последнее время наши фильмы «жгут» менее всего. Случается — ужасают нагромождением «чернухи», хотя и она уже стала продуктом «третьей свежести». Случается, радуют выверенным концептуальным рядом, парадоксами, загадками. Но чувства остаются во всех случаях едва затронутыми.

Кинематограф устал. Идет смена караула. Может быть, новому кино захочется ответить на ностальгию по чувствам?

Эльга ЛЫДИНА.

● Кадры из фильма.

